

Deborah Levy

THE COST OF LIVING

1. Большой Сильвер

Как говорил нам Орсон Уэллс, счастливый конец определяется тем, в какой момент остановить рассказ. Однажды вечером я ела рыбу с кокосовым рисом в баре на карибском побережье Колумбии. За соседним столиком сидел загорелый татуированный американец. Под пятьдесят, сильные мускулистые руки, седые волосы собраны в пучок. Он разговаривал с молодой англичанкой, лет девятнадцати, которая сначала сидела одна, читая книжку, но после некоторых колебаний приняла его приглашение и пересела к нему. Говорил первое время только мужчина. Но потом девушка перебила его.

Ее речь была занятой, пылкой и странной. Она рассказывала, как на дайвинге в Мексике погрузилась на двадцать минут, а вынырнув, увидела, что на море шторм. Оно

кипело, и девушка испугалась, что не доберется до лодки. Хотя речь шла о погружении, за время которого переменялась погода, это был еще и рассказ о некоей скрытой обиде. Девушка сделала несколько намеков (на лодке был человек, который, как она думала, придет ей на выручку) и подняла глаза на собеседника, проверить, понял ли он, что рассказ о шторме был иносказанием. Мужчине эта история не особо увлекла, он дернул коленями так, что стол подпрыгнул и книга юной англичанки упала на пол.

— А вы, сдастся мне, говорунья, — заметил мужчина.

Она задумалась, теребя кончики прядей и глядя на двух подростков, что сбывали туристам сигары и футболки на мощенной бульжником площади. Не так-то просто донести до этого мужчины, гораздо старше ее, что этот мир — и ее мир тоже. Он шел на риск, приглашая ее за свой стол. В конце концов, у нее своя жизнь и свои влечения. Он не подумал, что девушка может не считать себя второстепенным персонажем, а его — главным героем. В этом смысле она сдвинула границы, обрушила социальную иерархию, отвергла привычные ритуалы.

Она спросила, что такое он зачерпывает тортильями из миски. Он ответил, что это севиче — сырая рыба, маринованная в лаймовом соке, — в меню по-английски означенная как *сексвиче*. «Подается с резинкой», — добавил он. Девушка улыбнулась, и я увидела, что она пытается быть кем-то смелее себя самой; тем, кто свободно путешествует в одиночку, вечером читает в баре, потягивая пиво, тем, кто рискует браться за такую трудную задачу, как разговор с незнакомцем. Она приняла его приглашение попробовать севиче, затем ловко отклонила предложение отправиться с ним на ночное купание в уединенную часть местного пляжа, где, как он уверял, «совсем нет камней».

Немного спустя мужчина заметил:

— Не люблю нырять с аквалангом. Если лезть в глубину, то разве что за золотом.

— О, — ответила девушка, — забавно, что вы это сказали. Я как раз думала, что про себя буду звать вас Большим Сильвером.

— Почему?

— Так называлась лодка, дайвбот.

Он озадаченно покачал головой и перевел взгляд с ее груди на светящуюся надпись «Выход» над дверью. Она вновь улыбнулась,

но невольно. Очевидно, поняв, что нужно умерить турбулентность, которую она принесла из Мексики в Колумбию. Девушка решила взять свои слова обратно:

— Нет, Сильвер¹ — это про вашу седину и пирсинг в брови.

— Я просто бродяга, — ответил Сильвер, — болтаюсь без цели.

Заплатив за себя, девушка попросила американца подать ей книгу, которую он уронил, для чего ему пришлось нырять под стол и подгребать томик ногой. Это вышло не сразу, и когда он возник над столом с книгой в руке, девушка не выказала ни особой благодарности, ни невоспитанности.

— Спасибо, — просто сказала она.

Пока официантка собирала тарелки с грудями крабьих клешней и рыбьих костей, я вспомнила строки из Оскара Уайльда: «Будь собой: другие роли уже заняты». Для этой девушки цитата не вполне верна. Ей пришлось пробоваться на роль себя, располагающей той свободой, которую Большой Сильвер брал не задумываясь, — у него быть собой выходило без труда.

¹ Silver — серебро (англ.). (Здесь и далее примеч. пер.)

«А вы, сдается мне, говорунья».

Рассказать о своей жизни, как мы ее видим, — это свобода, которой мы обычно предпочитаем не пользоваться, но мне показалось, что слова, которые эта девушка хотела сказать, трепетали в ней, не ясные для нее самой, как для любого постороннего.

Позже, за работой, на балконе своего гостиничного номера, я думала о том, как та девушка предлагала бродяге Большому Сильверу прочесть между строк ее невысказанную боль. Она могла бы остановить рассказ, описав чудеса, которые увидела в глубинах спокойного моря перед штормом. Это был бы счастливый конец, но она продолжила. Она как бы спрашивала собеседника (и себя): «По-вашему, этот человек на лодке бросил меня?» Большой Сильвер был плохим читателем ее истории, но сама она, решила я, могла бы стать хорошим читателем — моей.

2. Буря

Стояла тишь. Светило солнце. Я плавала в глубине. И затем, когда я вынырнула на поверхность спустя двадцать лет, я увидела, что бушует шторм, кипят водовороты, грохочущий шквал вздымает над моей головой водяные валы. Поначалу я испугалась, что не доплыву до лодки, а потом поняла, что не хочу обратно на нее. Считается, что хаос — это то, чего мы боимся больше всего, но я прихожу к выводу, что, может быть, он — то, чего мы больше всего хотим. Если не верить в будущее, которое планируешь, в дом, за который платишь ипотеку, в человека, рядом с которым спишь, то может случиться буря (давно собиравшаяся за облаками) поможет тебе понять, чего ты хочешь от мира.

Жизнь рассыпается. Мы стараемся удержать осколки вместе. А потом понимаем, что не хотим их удерживать.

Мне было около пятидесяти, и жизнь вроде бы должна была замедлиться, стать стабильной и предсказуемой, но она ускорилась, стала нестабильной и непредсказуемой. Мой брак был той самой лодкой, и я знала, что если попытаюсь вернуться на нее, то утону. Это призрак, который будет меня преследовать до конца моих дней. Я никогда не устану сокрушаться о том, что так долго хотела испытать непреходящую любовь, которая не умаляет главных героев. Я не уверена, что мне случилось видеть такую любовь, так что, возможно, моя идея обречена остаться призраком. О чем меня спрашивает этот призрак? Конечно, о политике, хотя он и не политик.

* * *

В Бразилии я видела ярко окрашенную гусеницу толщиной с большой палец. Казалось, ее придумал Мондриан: бока украшали симметричные синие, красные и желтые квадраты. Я не верила глазам. Удивительнейшая тварь, она, казалось, имела две ярко-красные головы на обоих концах тела. Я смотрела на нее не отрываясь, пытаюсь понять, может ли такое быть. А то, чего доброго, я перегре-

лась на солнце или у меня случились галлюцинации от подкопченного черного чая, который я потягивала каждый день, наблюдая за тем, как дети гоняют мяч на площади. Позже я узнала, что у гусениц бывают фальшивые головы для защиты от хищников. В тот момент я не могла решить, на какой половине кровати я хочу спать. Скажем, подушка лежала на южном конце кровати: бывало, я спала так, а потом перекладывала ее на север и спала эдак. В итоге я положила подушки в обоих концах кровати. Не исключаю, что это было физическое выражение раздвоенности моей персоны, нежелания решать, моих колебаний.

Если любовь разваливается, приходит ночь. И длится без конца. Полная гневных мыслей и обвинений. И эти изматывающие внутренние монологи не смолкают с восходом солнца. Именно это меня больше всего возмущало: то, что мой разум похищен и полностью занят Им. Оккупация, не меньше. Несчастливая жизнь понемногу входила у меня в привычку — так, как это описывал Беккет: «Эта то, что можно копить всю жизнь... как пополняют коллекцию яиц или марок».

Вернувшись в Лондон, я получила от турка, что торговал в газетном киоске поблизости, кольцо для ключей с помпоном. Не понимая, что с ним делать, я прицепила кольцо на сумочку. Есть в помпонах что-то живое и ободряющее. Я гуляла в Гайд-парке с одним коллегой, и помпон радостно подпрыгивал, пока мы бродили, вороша ногами палую листву. Этот помпон был как вольный дух, безудержный весельчак, отчасти зверь, отчасти что-то иное. Он казался настолько счастливее меня! У моего спутника я увидела тонкое кольцо с крошечным тусклым бриллиантом, вделанным в ажурную золотую ленту. «Обручальное, жена выбрала, — сказал мой коллега, — оно викторианское, не совсем мой стиль, но напоминает мне о ней». А потом добавил: «Жена опять разбила машину». — «Ага, — подумала я, шагая под золотыми ветвями, — у нее нет имени. Она жена, и все». Я задумалась, почему этот человек обычно забывает имена большинства женщин, с которыми знакомится на светских сборищах. Он упоминал их не иначе как чьих-то жен или подружек, будто это все, что мне нужно о них знать.

И если у нас нет имен, кто мы?

* * *

Я плакала как женщина, поняв, что мой брак закончился. Я видела мужчину, рыдавшего как женщина, но, кажется, мне не довелось видеть женщин, плакавших по-мужски. А того, что рыдал как женщина, я видела на похоронах, и он не столько плакал, сколько выл, всхлипывал и скулил: это был суровый плач. Плечи у него тряслись, лицо шло пятнами, он лез в карман, прижимал к глазам бумажные платки. Которые расползались один за другим. Странные звуки и восклицания вырывались из его легких. Истовое, откровенное горе.

Я подумала, что в этот момент он плачет обо всех нас. Все остальные плакали более социально приемлемым образом. Я заговорила с этим человеком на поминках, и он сказал, что утрата заставила его понять: в его жизни «любовь оставила запись в гостевой книге, но так и не поселилась».

Он спрашивал себя, что помешало ему быть смелее. Мы потягивали ирландский виски той марки, которую предпочитал необыкновенный человек, оставивший нас. Я спросила моего собеседника, был ли он

любовником умершего. Он ответил, что были, много лет, с перерывами, но так и не отважились стать друг для друга уязвимыми. Они не решились подчиниться своей любви. Мой собеседник спросил меня, почему мой брак пошел ко дну, и его собственная откровенность помогла мне говорить свободнее. Послушав меня минуту-другую, он заметил: «Похоже, вам все-таки лучше найти новую дорогу в жизни».

Я представила, что разговор, который у меня так и не состоялся с отцом моих детей, однажды найдут в «черном ящике», погрузившемся на дно океана после крушения лодки. Каким-нибудь дождливым вторником в далеком будущем его найдут представители искусственной жизни, которые сядут в кружок послушать горькие и сильные голоса страдающих людей.

Лучшее, что я сделала в жизни, — не поплыла к лодке. Но куда мне было плыть?